

При этом нужно отметить, что А. Хаджиниколау фактически оправдывает лишение бедняков права быть свидетелями. Она утверждает: „Очевидно византийцы считались с тем, что свобода совести без экономической свободы — пустое слово!“ (стр. 62).

Автор привлек к своему „исследованию“ ограниченный круг источников и литературы. В частности, русская литература оказалась недоступной для А. Хаджиниколау. Папирусы знакомы ей лишь из вторых рук (по статье Таубеншлага). Даже *Corpus Juris* Юстиниана используется не по подлиннику, а по французскому переводу.

В заключение мы можем сказать, что книга А. Хаджиниколау представляет тенденциозный подбор данных о рабах в Византии, имеющий целью „обосновать“ на материале византийской истории концепцию А. Валлона, который объяснял упадок рабства воздействием христианской морали. Работа А. Хаджиниколау, идеалистическая по своей методологии и в значительной мере компилятивная, не дает ничего нового для понимания природы византийского рабства. А. Хаджиниколау ни словом не обмолвилась о наличии марксистской научной теории относительно причин упадка рабства, но по всему видно, что целью ее работы было противопоставить марксистской теории свою идеалистическую, эволюционистскую. Однако попытка объяснить замену рабства феодальными формами эксплуатации в Византии, минуя вопрос о нерентабельности рабского труда, минуя вопрос о революционных движениях рабов, оказалась, как мы видим, несостоятельной. Только на основе марксистско-ленинской методологии, углубленно анализируя вопрос о генезисе, расцвете и специфике византийского феодализма, можно дать ясное представление о судьбах рабства в Византии.

М. Я. Сюзюмов

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ЛАТИНСКОЙ ИМПЕРИИ

Латинская империя — государство, основанное западноевропейскими крестоносцами на территории Византии, неоднократно служила уже предметом изучения историков. В настоящее время можно считать твердо установленным, что это феодальное королевство держалось исключительно жесточайшим угнетением и терроризированием населения, подпавшего под власть главным образом французских рыцарей и венецианских торговцев. И хотя факты, свидетельствующие о грабительской сущности этой недолговечной империи, хорошо известны, — не вызывает большого удивления появление в современной буржуазной историографии работ, основное содержание которых сводится к возвеличению и реабилитации политики государств крестоносцев, и прежде всего — Латинской империи. В самом деле, в то время, когда империалистический мир предпринимает попытки развязать новую мировую бойню, в которой он ищет спасения от неминуемого краха, когда милитаристы США и их приспешники осуществляют кровавую агрессию против Кореи и организуют вооруженные провокации, шпионаж и диверсии против ряда других миролюбивых демократических стран, — реакционные буржуазные историки США, Англии, Франции не могут не откликнуться на призыв империалистов мобилизовать все идеологические средства для одурманивания народов, сопротивляющихся военному угару, для оправдания агрессии. Естественно поэтому,

что и агрессивные походы феодального дворянства давно минувших веков получают в писаниях этих историков своеобразное „истолкование“, смысл которого заключается в том, чтобы на исторических примерах доказать благодетельность иностранной оккупации и воспеть „гуманизм“ колонизаторов.

В этом отношении показательны две недавно вышедшие книги по истории Латинской империи. Одна из них принадлежит американскому историку, профессору Калифорнийского университета П. Топпину. Книга Топпина представляет собою перевод на английский язык феодальной конституции Ахейского (или Морейского) принципата — так называемых „Романских ассиз“, записи феодальных обычаев французских рыцарей вассального „латинского“ княжества в Греции. Этот перевод сопровождается обширными комментариями и введением, в которых и раскрывается „концепция“ автора¹. Другая книга написана Ж. Лоньоном, хранителем библиотеки Французского института; в ней излагается фальсифицированная автором история четвертого крестового похода и государств, основанных крестоносцами на территории Византии². Обе эти книги проникнуты стремлением, характерным для современной буржуазной историографии: показать положительное значение феодализма как политической системы, обеспечивавшей, якобы, прочный государственный порядок и „повиновение властям“, — условия, столь же желанные, сколь и мало достижимые для буржуазии наших дней.

Участовавшие в четвертом крестовом походе французские феодалы, эти „искатели приключений“³, жаждавшие обогащения, изображаются Лоньоном как пилигримы, охваченные религиозным экстазом и отклонившиеся от намеченной ими цели — освобождения „гроба господня“ — лишь под нажимом коварных венецианцев. Даже некоторые реакционные западные историки не могут отрицать, что тайные и явные организаторы и руководители четвертого крестового похода с самого начала намечали его целью завоевание Константинополя; уже давно было установлено, что предводитель крестоносцев Бонифаций Монферратский участвовал в выработке планов Филиппа Швабского и являлся прямым проводником его политики. Тем не менее, Лоньон предпочитает придерживаться „теории случайностей“, отклонявших, якобы, „честных“ крестоносцев все далее и далее от цели, к которой они ревностно стремились. Как известно, эта теория была выдвинута еще историком четвертого крестового похода — Жоффруа Виллардуэном, пытавшимся оправдать захваты крестоносцев. Несмотря на давно доказанную недостоверность сообщений Виллардуэна, Лоньон продолжает отстаивать его точку зрения. Вместе с тем Лоньон пытается обелить и папство. Всячески подчеркивая, что Иннокентий III противился организации экспедиции крестоносцев против Задара (Зары), он вынужден все же признать, что, несмотря на нарушение крестоносцами запретов папы, Иннокентий III принял их извинения после того, как Задар был захвачен и разграблен. Эту двуличную политику Иннокентия III Лоньон оправдывает стремлением папы „сохранить

¹ P. W. Topping. Feudal institutions as revealed in the Assizes of Romania the law code of Frankish Greece, Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 1949, 192 p.

² J. Longnon. L'empire latin de Constantinople et la principauté de Morée, Paris, 1949, 363 p.

³ См. К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 201.

целостность крестоносного войска". Однако все эти ухищрения не могут скрыть активной роли папства в организации захвата Константинополя, и приводимые самим Лоньоном факты свидетельствуют против Иннокентия III. Папа, для виду гневавшийся на крестоносных разбойников, на самом деле желал лишь, чтобы Константинополь был взят ими, но — „без пролития крови христиан“; против самого захвата столицы Византийской империи папа ничего не имел, поскольку подчинение Византии Западу должно было привести, согласно ожиданиям папы, к распространению на нее и соседние с нею страны власти Рима. Лоньон вынужден признать и участие папского легата в отклонении похода от его первоначальной цели на Константинополь, и деятельную поддержку крестоносцев находившимися при их войске епископами, которые давали крестоносцам отпущение грехов за избиеание христиан и открыто заявляли перед штурмом Константинополя в 1204 г., что „эта битва справедлива“¹. Будучи избран императором, Балдуин I обратился к Иннокентию III за поддержкой; последний принял „Латинскую империю“ под свое покровительство и предписал всем христианам защищать ее и оказывать Балдуину всяческое содействие. Эти и многие другие, сознательно опущенные Лоньоном факты неопровержимо доказывают деятельное участие папы в грабительском походе западноевропейских феодалов.

К прямой фальсификации прибегает Лоньон при описании захвата крестоносцами столицы Византийской империи. Этот захват, сопровождавшийся, как известно, неслыханным ограблением Константинополя, разрушением города и насилиями над его жителями, изображается Лоньоном в виде великого подвига крестоносного рыцарства. Описывая это событие в патетических тонах, он старается всячески преуменьшить размеры злодеяний, совершенных крестоносцами. Командиры крестоносного войска, пишет он, под страхом строжайших наказаний запретили бесчинства в городе, так что те насилия и грабежи, которые все же имели место, были учинены лишь недисциплинированной частью крестоносного воинства и несколько „омрачили победу крестоносцев, вызвав негодование папы, когда ему стало об этом известно“². Лоньон голословно утверждает, что рассказы восточных и византийских историков, а также и Новгородской летописи о разгроме и разграблении Константинополя „преувеличены“, — не смущаясь даже тем, что описание этих событий в Новгородской летописи представляет собой, как известно, сообщение очевидца. Преувеличенным считает Лоньон, по видимому, и сообщение об этом неприятном для французских колонизаторов событии, содержащееся в хронике Виллардуэна, которому в остальном он безоговорочно следует; между тем, это сообщение также принадлежит очевидцу. Таким образом, захват крестоносцами Константинополя, по Лоньону, — „великая“ победа французского оружия, а варварское разрушение и опустошение города — лишь незначительный эпизод, к тому же раздутый современными писателями, не оценившими ни колоссального „благодетельного“ значения завоевания Византии „крестоносными болванами“³.

Описанию этих „благодетельных“ последствий французской агрессии для населения Византийской империи и посвящена большая часть

¹ J. Longnon. L'empire latin... p. 34.

² Ibid., p. 47.

³ См. К. Маркс. Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 196—197.

книги Лоньона, равно как и сочинение Топпинга. Нет нужды напоминать, насколько непрочными и недолговечными оказались феодальные государства, основанные крестоносцами на территории Византии. Бесконечные междоусобицы французских феодалов, соперничество между ними и венецианцами, предоставившими „крестоносным остополам *пустой императорский титул и время власти, которую невозможно было реализовать*“, и удержавшими для себя „*действительные выгоды* предприятия“¹, а главное — упорное сопротивление населения империи чужеземным захватчикам — обусловили быстрый распад и окончательное крушение Латинской империи. Эти хорошо известные факты не мешают Топпингу утверждать, что „устойчивое и сильное государство“, основанное французскими рыцарями „в завоеванной стране с цивилизацией гораздо более древней, чем западноевропейская, является поразительным доказательством практичности и применимости феодальной системы политической и социальной организации“². Пусть Византия была носительницей более древней и более высокой культуры, — Топпинг готов с этим согласиться, хотя, как мы увидим, Лоньон склонен отрицать и это, — завоеватели, как утверждают оба автора, обладали средством, которое повергло эту цивилизацию к их ногам, а именно: феодальной системой.

И Лоньон и Топпинг игнорируют то обстоятельство, что феодализм существовал в Византии еще до четвертого крестового похода. Вместо того, чтобы показать историческое своеобразие византийских феодальных порядков, имевших свои отличия от западноевропейских, эти авторы изображают дело так, что якобы лишь „франками“ были принесены с Запада в готовом виде феодальные институты, причем эти феодальные институты, по их мнению, облегчили жизнь византийского населения, заменив деспотический произвол византийской бюрократии феодальной законностью. Во „введении“ в Византию западноевропейского феодализма, понимаемого обоими авторами, разумеется, лишь как система политических отношений, и заключалась, с их точки зрения, „культурная миссия“ крестоносных разбойников. Авторы рецензируемых книг, подобно многим другим буржуазным ученым, склонны считать феодализм специфически западноевропейским явлением, „вкладом“ господствующего класса средневековой Европы в историю человечества.

Топпинг подробно останавливается на описании „преимуществ“ феодализма перед другими формами общественного устройства. Особое внимание он уделяет вассалитету, „тесной и высоко почетной связи между двумя лицами, обязавшимися соблюдать взаимную верность и лояльность“³. Система вассальных отношений, достигшая значительной стройности в Латинской империи, рассматривается Топпингом как главный источник „прочности“ последней. Действительно, система военно-служилой иерархии, перенесенная крестоносцами из Западной Европы на Восток, получила в созданных ими здесь государствах свое классическое выражение⁴. Однако Лоньону и Топпингу не следовало бы забывать, что эта система могла утвердиться в покоренных ими странах только в результате безжалостного подавления всякого

¹ К. Маркс. Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 199.

² P. W. Topping. Feudal institutions... , p. 8.

³ Ibid., p. 103.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, ОГИЗ, Госполитиздат, 1948, стр. 484.

противодействия со стороны местного населения и благодаря наличию здесь уже давно сложившихся отношений феодальной эксплуатации. Кроме того, как известно, стройность этой системы, преувеличиваемая Лоньоном, не мешала „латинским“ феодалам находиться в состоянии непрерывной войны друг с другом.

Топпинг и Лоньон совершенно извращают вопрос о положении народных масс Византийской империи под властью крестоносцев. Признавая, что в Латинской империи не произошло смешения греков с французами, Топпинг вместе с тем утверждает, что „была достигнута высокая степень сотрудничества и взаимной терпимости рас“, причем главная заслуга в достижении этого благоденствия приписывается „мудрому правлению“ „латинских“ феодалов¹. Однако сам же Топпинг приводит рассказ итальянского хрониста Марино Санудо, показывающий, какова была действительная цель похода западных рыцарей на Византию. При дворе ахейского князя Жоффруа II Виллардуэна (родственника историка четвертого крестового похода), пишет этот хронист, „постоянно находилось 80 рыцарей в золотых шпорах, которым князь давал все, что они требовали, помимо их регулярного жалования. Поэтому к нему стекались рыцари из Франции, из Бургундии и, сверх всего, из Шампани. Некоторые прибывали сюда поразвлечься, другие — оплатить свои долги, чтобы избежать кары за те преступления, которые они совершили на родине“. Вот этим-то грабителям, задолжавшим кутилам и искателям приключений Топпинг и приписывает „мудрую политику“ по отношению к населению захваченной ими Византийской империи.

Прелести „сотрудничества“ между крестоносными разбойниками и жертвами их насилий приводят в восхищение и Лоньона. Казалось бы, гражданину Франции, лишь недавно пережившей тяжесть гитлеровской оккупации, должно быть хорошо известно, как живет народу под гнетом иноземных захватчиков. Тем не менее, Лоньон, активный сотрудник и секретарь редакции парижского „*Journal des savants*“ в годы немецкого хозяйничанья во Франции, — не только утверждает, что „местное население осталось под властью французских феодалов в прежнем положении“, но допускает даже следующее заявление, представляющее собой вопиющее извращение истины: „крестьяне и горожане, — пишет он, — выиграли от перемены правителей, ибо они более не подвергались вымогательствам со стороны властей и насилиям местных тиранов и могли спокойно отдаваться своим занятиям“. „Умеренность и терпимость, проявленные завоевателями, — продолжает Лоньон, который, умолчав о разгроме Константинополя, проявил такую же „скромность“ и при описании захвата крестоносцами Афин, в свою очередь подвергшихся разграблению, — привлекли на их сторону местных жителей, облегчили завоевание и обеспечили в дальнейшем как покорность населения, так и процветание страны“².

Чтобы понять дичинность этого рассуждения, достаточно вспомнить слова Виллардуэна, который — при всех его недостатках — был все же более правдив, чем его соотечественник семь веков спустя. После того, как французские феодалы получили поместья, захваченные в Греции, пишет Виллардуэн, „каждый из них стал творить зло на своей территории, одни в большей степени, другие в меньшей, и греки

¹ P. W. Topping. *Feudal institutions...*, p. 8.

² J. Longnon. *L'empire latin...*, p. 74.

начали испытывать к ним ненависть и затаили в сердцах своих злобу¹. Известно, что уже в 1205 г. Греция была охвачена восстанием против крестоносцев, которое поставило под угрозу их господство в завоеванных землях. Однако Лоньона не смущают все эти факты. Сообщив о восстании, он вновь утверждает, что положение подданных крестоносных рыцарей „не изменилось; лишь феодальная иерархия заменила византийскую администрацию с выгодой для греков“². В Константинополе, богатейшем городе того времени, обращенном западноевропейскими рыцарями в развалины, греческое население, по словам Лоньона, „терпеливо относилось“ к „латинянам“, господство которых было „весьма мягким“ (*assez douce*), „умеренным и гуманным“³.

Переходя к описанию положения в Ахейском принцепате, Лоньон снова и снова без устали повторяет свое насквозь фальшивое утверждение о том, что, народу под „латинским“ игом жилось, якобы, хорошо и вольготно. Греки сохранили, по его словам, свои прежние порядки, обычаи и законы. Более того, оказывается, „крестьяне постепенно сблизилась со своими сеньерами, а последние — с ними. И те, и другие понимали, что их интересы солидарны“⁴. Лоньон полагает даже, что произошло не только сближение, но и „смещение двух рас“⁴. „Романские ассизы“ могут дать наглядное представление о действительном характере „сближения“ поработенного народа с захватчиками и о „солидарности их интересов“. Крепостной крестьянин подлежал суду лишь его собственного господина (ст. 186); без разрешения сеньора он не мог жениться или выдать замуж свою дочь (ст. 174); наследником крепостного считался его господин, который мог и просто отобрать у него все имущество (ст. 185 и 197). Последнее из указанных прав ахейских феодалов является свидетельством неограниченного господства крестоносцев над поработенным населением Греции: в Западной Европе в XIII в. феодалы были в этом отношении несколько ограничены, они обязаны были оставить крепостному хотя бы его орудия производства (*wainagium*). Для „Романских ассиз“ вообще характерна трактовка крепостных как имущества, принадлежности феода (ст. 107 и др.). Фактически крепостного можно было даже убить; убийца должен был лишь предоставить господину убитого крестьянина другого серва в качестве замены (ст. 151). Такое бесправное положение греческих крестьян под властью французских феодалов на деле низводило их до рабского состояния, тогда как в других феодальных странах помещики обладали неполной собственностью на работников производства, которых они все же не могли убить и которые обладали единоличной собственностью на орудия производства и на свое частное хозяйство⁵. Особенно униженное положение ахейского крестьянства объясняется, несомненно жестоким режимом, установленным французскими феодалами в завоеванной ими стране. „Романские ассизы“ свидетельствуют вместе с тем о сопротивлении крестьянства феодальному угнетению. Крестьяне бежали от помещиков (ст. 203) и открыто выступали против них, отказывая в повиновении, несмотря на жесточайшие кары, грозившие им (ст. 219).

¹ Villehardouin. La conquête de Constantinople, LXVII, ed. A. Pauphilet, *Historiens et chroniqueurs du moyen âge*, Paris, 1938, p. 141: *ainz comença chascuns à faire mal en sa terre, li uns plus et li autre moins; et li Grieu les comencièrent à haïr et à porter mauvais cuer...*

² J. Longnon. *L'empire latin...*, p. 134.

³ *Ibid.*, pp. 142, 143.

⁴ *Ibid.*, pp. 209, 212.

⁵ См. И. Сталин. *Вопросы ленинизма*, изд. 11-е, стр. 556.

„Благоденствие“, принесенное крестоносцами византийскому населению, было таково, что широкие массы поработенных „латинянами“ жителей поднимались на активную борьбу против захватчиков.

Лоньон, естественно, проходит мимо всех этих фактов и всячески восхваляет „сотрудничество“ между французскими феодалами и отдельными представителями господствующего класса Византии, изменившими своему народу; при этом Лоньон выдает этих ренегатов за выразителей настроений всего византийского населения. Изображая население Византии, подпавшее под власть крестоносцев, пассивной массой, послушно шедшей как за византийскими господами, так и за сменившими их „франками“, Лоньон отрицает наличие у византийских крестьян и горожан каких-либо признаков патриотизма, — чувства, настолько же чуждого современным империалистам и их идеологам, насколько и ненавистного им. При этом Лоньон игнорирует тот факт, что „Никея сделалась центром греческого патриотизма“¹, и что борьба народных масс против захватчиков привела к развалу и падению Латинской империи.

Обращаясь к вопросу о „взаимодействии молодой, любознательной и открытой для всего мира западной цивилизации“ с цивилизацией византийской, Лоньон стремится преуменьшить влияние Византии на Запад и, наоборот, доказать „глубокое влияние“ культуры, носителями которой были французские авантюристы, на „облагодетельствованную“ ими Византию. Что уничтожение колоссальных культурных ценностей, разграбление богатств Византии и безудержное угнетение ее населения были „великими благами“, принесенными феодальными разбойниками, должно, по мнению Лоньона, явствовать из всей его книги, венчаемой таким выводом: „Воспоминания о блистательном правлении в Греции французских шевалье, которое доставило этой стране долгие годы процветания и мира, продолжительное время не могли исчезнуть из памяти греков“². — Комментарии, как говорится, излишни.

Предназначенные для широкого читателя, рецензируемые книги, при всей их кажущейся академичности, представляют собою попытку бессовестно фальсифицировать историю грязного захватнического предприятия французских феодалов, чьи подвиги не дают покоя нынешним американским и западноевропейским колонизаторам. Единодушие, с которым извращают исторические факты американский и французский историки, наглядно свидетельствует об одном и том же мутном источнике „вдохновения“ авторов обеих фальшивок. Тот и другой искажают историю в интересах империалистов, стремящихся любой ценой потушить ненависть народов к агрессии и иностранным оккупантам, подавить их стремление сохранить национальную независимость и суверенитет.

А. Я. Гуревич

¹ К. Маркс. Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 206.

² J. Longnon. L'empire latin... p. 356—357.